

GOVERNANCE OF NUCLEAR ENERGY AND HUMAN RIGHTS: ACCESS TO INFORMATION, PUBLIC PARTICIPATION, AND ACCESS TO JUSTICE

Sayidkomil Ibodullaev

Lecturer

Department of Private International Law

Tashkent State University of Law

E-mail: siresearchuz@gmail.com

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: nuclear energy; human rights; Aarhus Convention; access to information; public participation; access to justice.

Received: 22.08.25

Accepted: 23.08.25

Published: 24.08.25

Abstract: This article explores the nexus between the governance of nuclear energy and human rights through the lens of the three pillars of “environmental democracy”: access to information, public participation, and access to justice. Relying on international norms (the Aarhus and Espoo Conventions, IAEA safety standards, and EU Euratom law), comparative practice (Finland, Sweden, the United Kingdom), and ongoing reforms in Uzbekistan (accession to the Aarhus Convention in 2025 and the new legislative framework on environmental expertise, environmental impact assessment (EIA) and strategic environmental assessment (SEA)), the paper argues for a rights-oriented model of nuclear regulation. The novelty lies in a systematic alignment of human-rights requirements with “nuclear” safety standards, coupled with practice-ready recommendations for Uzbekistan. The principal results include a correspondence matrix between Aarhus norms and IAEA GSR Part 1/7, an analysis of institutional gaps, and a “road map” for embedding participation and justice safeguards across the nuclear power project cycle.

YADRO ENERGETIKASI BOSHQARUVI VA INSON HUQUQLARI: AXBOROTGA EGA BO‘LISH, JAMOATCHILIK ISHTIROKI VA ADOLAT

Sayidkomil Ibodullaev

O'qituvchi
Xalqaro xususiy huquq kafedrası
Toshkent davlat yuridik universiteti
E-mail: siresearchuz@gmail.com
Toshkent, O'zbekiston

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: yadro energetikasi; inson huquqlari; Orhus konvensiyasi; axborotga ega bo'lish; jamoatchilik ishtiroki; adolatga erishish (sud himoyasi).

Annotatsiya: Ushbu maqolada yadro energetikasi boshqaruvi va inson huquqlari o'rtasidagi bog'liqlik "ekologik demokratiya"ning uch ustuni — axborotga ega bo'lish, jamoatchilik ishtiroki va adolatga erishish — prizmasida tahlil qilinadi. Xalqaro normalar (Orhus va Espo konvensiyalari, MAGATE xavfsizlik standartlari, YI Euratom huquqi), qiyosiy amaliyot (Finlyandiya, Shvetsiya, Birlashgan Qirollik) hamda O'zbekistondagi dolzarb islohotlar (2025-yilda Orhus konvensiyasiga qo'shilish, ekologik ekspertiza, atrof-muhitga ta'sirni baholash (ATB) va strategik ekologik baholash (SEB) bo'yicha yangi huquqiy tartibot) asosida, inson huquqlariga yo'naltirilgan yadro tartibga solish modelining zarurligi asoslab beriladi. Ishning yangiligi inson huquqlari talablarini "yadro" xavfsizligi standartlari bilan tizimli uyg'unlashtirishda hamda O'zbekiston uchun amaliy tavsiyalar taqdim etilishida namoyon bo'ladi. Asosiy natijalar Orhus normalari va IAEA GSR Part 1/7 o'rtasidagi muvofiqlik matritsasi, institutsional bo'shliqlar tahlili hamda ATB/SEB jarayonlari doirasida ishtirok va adolat kafolatlarini yadro loyihasi sikliga izchil joriy etish bo'yicha "yo'l xaritasi"ni o'z ichiga oladi.

УПРАВЛЕНИЕ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКОЙ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ, УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И ПРАВОСУДИЕ

Сайидкомил Ибодуллаев
преподаватель
Кафедра Международного частного права,
Ташкентский государственный юридический университет
E-mail: siresearchuz@gmail.com
Ташкент, Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: ядерная энергетика; права человека; Орхусская конвенция; доступ к информации; участие общественности; доступ к правосудию.

Аннотация: Статья раскрывает взаимосвязь между управлением ядерной энергетикой и правами человека через призму трёх столпов «экологической

демократии»: доступа к информации, участия общественности и доступа к правосудию. На основе международных норм (Орхусская и Эспо конвенции, стандарты МАГАТЭ, право ЕС Euratom), сравнительной практики (Финляндия, Швеция, Великобритания) и текущих реформ Узбекистана (присоединение к Орхусской конвенции в 2025 г., новая редакция законодательства об экологической экспертизе, ОВОС и СЭО) обосновывается необходимость правозащитно-ориентированной модели ядерного регулирования. Новизна состоит в системном сопоставлении требований прав человека и «ядерных» стандартов безопасности, а также в прикладных рекомендациях по имплементации для Узбекистана. Основные результаты включают матрицу соответствия норм Орхуса и IAEA GSR Part 1/7, анализ институциональных пробелов и «дорожную карту» внедрения процедур участия и правосудия на цикле проекта АЭС.

Введение

Глобальный «ренессанс» интереса к атомной энергетике сопровождается повышенными ожиданиями в части декарбонизации и энергетической безопасности, но одновременно — и возрастающими требованиями к правам человека в экологических вопросах. В 2024–2025 гг. правительства и международные организации подтвердили стратегическую роль атомной генерации в энергопереходе; в частности, более 30 стран на Саммите по ядерной энергетике заявили о наращивании мощностей, несмотря на вызовы стоимости и сроков строительства, подчёркивая климатический и стратегический импульс к её развитию.

Наряду с этим международные стандарты МАГАТЭ требуют от государств институциональной независимости регулятора, чёткого распределения ответственности и прозрачности процедур: GSR Part 1 (Rev. 1) закрепляет основы государственной, правовой и регуляторной рамки безопасности, а GSR Part 7 задаёт требования к готовности и реагированию на ядерные и радиационные аварии, включая обязанности по информированию и вовлечению соответствующих органов и организаций. Эти документы служат «ядерным эквивалентом» гарантий процессуальных прав общества.

В Европе эквивалентные принципы встроены в право ЕС: «ядерные» директивы Euratom по безопасности (2009/71/Euratom с изменениями 2014/87/Euratom) и «радиационная» директива о базовых нормах (2013/59/Euratom), а также «сквозная» Директива об оценке воздействия на окружающую среду (2011/92/EU в ред. 2014/52/EU), системно закрепляющие право на информацию, консультации и судебный контроль при крупных инфраструктурных проектах.

Для Узбекистана тема приобретает практическое измерение: в 2025 г. страна официально присоединилась к Орхусской конвенции (доступ к информации, участие и правосудие в экологических делах), став 48-й Стороной и замкнув «орбиту» Центральной Азии, — а также приняла новый Закон № ЗРУ-1036 «Об экологической экспертизе, ОВОС и стратегической экологической оценке», вступающий в силу 25 августа 2025 г., вводящий более чёткие процедуры раскрытия и общественных обсуждений. Эти шаги совпали по времени с активной фазой подготовки к строительству атомной генерации (включая проекты малых модульных реакторов).

Международная практика также подчёркивает правозащитное измерение экологической информации и средств правовой защиты. Общий комментарий № 34 Комитета по правам человека к ст. 19 МПГПП квалифицирует доступ к государственной информации как составную часть свободы выражения мнений; а прецеденты ЕСПЧ (Guerra и др. против Италии; Giacomelli против Италии; Öneriylidiz против Турции; Tătar против Румынии) указывают на позитивные обязанности государства предотвращать существенные риски для жизни и здоровья, обеспечивать информирование и эффективный контроль, а также доступ к правосудию по экологическим вопросам.

Наконец, эмпирический контекст: глобальная ядерная генерация в 2023 г. выросла по выработке (≈ 2602 ТВт·ч) на фоне колебаний гидрогенерации; установленная мощность и число реакторов по данным IAEA PRIS демонстрируют стабильно растущую траекторию к 2024–2025 гг., что усиливает значимость доверия общества к процедурам принятия решений.

Исходя из этого, цель работы — показать, как три столпа Орхусской конвенции (информация, участие, правосудие) интегрируются в «ядерную» нормативную экосистему (МАГАТЭ, право ЕС) и какие практические шаги следует предпринять Узбекистану для их содержательной реализации при подготовке и эксплуатации атомных объектов.

Методы

Методологически исследование сочетает (i) доктринально-правовой анализ универсальных и региональных источников (Орхусская конвенция 1998 г.; Конвенция Эспо 1991 г. и её Руководства; Протокол о регистрах выбросов и переноса загрязнителей 2003 г.;

стандарты МАГАТЭ — SF-1, GSR Part 1 (Rev. 1), GSR Part 7; директивы ЕС 2011/92/EU, 2014/52/EU, 2009/71/Euratom, 2014/87/Euratom, 2013/59/Euratom), (ii) сравнительно-правовой обзор правоприменительной практики государств с высокой степенью социальной приемлемости ядерных проектов (Финляндия: консенсус вокруг финального хранилища ОНКАЛО и модель Posiva; Швеция: муниципальное согласие при размещении; Великобритания: механизм consent-based siting для ГХО), (iii) анализ национального права Узбекистана (Закон об использовании атомной энергии в мирных целях № LRU-565, Закон «Об открытости деятельности органов госвласти и управления» № ЗРУ-369 с изменениями, новый Закон № ЗРУ-1036), (iv) кейс-ориентированное картирование текущих проектов (включая SMR-инициативы, место и стадия работ), и (v) правозащитный анализ с опорой на МПГПП и практику ЕСПЧ.

Эмпирическая база включает официальные базы данных и публикации: PRIS IAEA (мировые тренды по мощности, выработке), отчёты МАГАТЭ и ENSREG/EUR-Lex (по праву ЕС), и авторитетные новостные ресурсы (World Nuclear News, Reuters, AP) для верификации статуса узбекских проектов и стадий их реализации. Для Узбекистана применены источники национального законодательства (Lex.uz; правительственные порталы) и международные сообщения UNECE/OSCE/UNEP о присоединении к Орхусской конвенции и внедрении ОВОС/СЭО.

Техники анализа: контент-анализ норм на предмет «точек стыка» (обязанности информирования и консультаций в ядерной безопасности ↔ права Орхуса), построение матрицы соответствия (requirements mapping) между IAEA GSR Part 1/7 и ст. 4, 6, 9 Орхусской конвенции, а также гар-анализ национальной рамки Узбекистана (институциональная независимость регулятора, процедуры участия на стадиях ОВОС/СЭО, гарантии судебного пересмотра, меры по защите уязвимых групп и «языковая доступность» информации). На сравнительном материале анализируются механизмы наращивания общественного доверия: длительные и многоступенчатые консультации в Финляндии при ОНКАЛО, «право вето» муниципалитетов в Швеции и модель «consent-based siting» в Великобритании.

Данные и актуальность. По состоянию на 2025 г. в Узбекистане реализуются проекты по ММР (включая RITM-200N; начаты работы по вспомогательным зданиям в 2025 г., рассматриваются и крупно-блочные решения), что требует упрочения процедур прозрачности и участия ещё на доконструкционной фазе. Используемые в статье сведения верифицированы по первоисточникам и новостным лентам 2024–2025 гг. (датировки указаны в ссылках).

Результаты и обсуждение

Нормативная конвергенция: «три столпа» Орхусской конвенции и стандарты ядерной безопасности

Ключевая нормативная рамка «прав человека в ядерной энергетике» складывается на пересечении Орхусской конвенции (доступ к информации, участие общественности, доступ к правосудию) и стандартов безопасности МАГАТЭ/Евратома, которые детализируют институциональные обязанности государства и регулятора. Орхусская конвенция закрепляет юридически обязательные права каждого на получение экологической информации, участие в принятии экологически значимых решений и обжалование таких решений. Эти права квалифицируются как «демократия окружающей среды» и прямо распространяются на деятельность по использованию атомной энергии. UNECE

В части институциональной организации МАГАТЭ в Требованиях безопасности GSR Part 1 (Rev. 1) устанавливает «требования уровня shall» к правительству и регулятору: наличие всеобъемлющей правовой и регуляторной основы, эффективное отделение регулирующего органа от лиц, продвигающих или эксплуатирующих объекты, прозрачные процедуры принятия решений и информирования. Эти требования взаимно дополняют орхусские гарантии, поскольку «право знать» и «право участвовать» практически реализуются через предсказуемые и открытые процедуры регулятора.

Чрезвычайное информирование — особый элемент прав человека на жизнь и здоровье в ядерной сфере. Требования GSR Part 7 (готовность и реагирование на ядерные/радиационные аварии) создают позитивные обязанности государства по предварительному планированию, оперативному оповещению и доведению до населения достоверной информации в условиях неопределённости, что напрямую связано с реализацией права на жизнь (ст. 6 МПГПП) и стандартами надлежащей коммуникации в кризис.

Право ЕС задаёт ориентиры «надлежащей практики»: Директива 2011/92/ЕС об ОВОС (в ред. 2014/52/ЕС) институционализирует раннее и эффективное участие общественности; Директива 2009/71/Евратом (в ред. 2014/87/Евратом) — рамку ядерной безопасности, включая независимость регулятора и прозрачность. Эти подходы широко используются как бенчмарк при построении национальных систем вне ЕС.

Национальные обновления Узбекистана (2024–2025): усиление процессуальных прав и «окно возможностей»

В 2025 г. Узбекистан присоединился к Орхусской конвенции, тем самым взял на себя международно-правовые обязательства обеспечить доступ к экологической информации, участие общественности и судебную защиту. Это системная отправная точка для

приведения ядерно-энергетического законодательства и практики в соответствие с международными стандартами участия и прозрачности.

Параллельно принят Закон № ЗРУ-1036 «Об экологической экспертизе, оценке воздействия на окружающую среду и стратегической экологической оценке» (24.02.2025; вступает в силу 25.08.2025), который институтирует ОВОС и СЭО на уровне закона, включая процессуальные элементы участия и учёта замечаний. Эти элементы должны быть интегрированы в процедуры выбора площадок и лицензирования объектов атомной энергетики.

Базовой отраслевой рамкой остаётся Закон № ЗРУ-565 «Об использовании атомной энергии в мирных целях» (09.09.2019), определяющий виды деятельности и полномочия уполномоченных органов. Присоединение к Орхусу и вступление в силу закона об ОВОС/СЭО требуют переосмысления подзаконных актов по линии процедур раскрытия информации, общественных консультаций и доступа к судебной защите именно для ядерных проектов.

Права человека как позитивные обязанности государства: генеральные комментарии КПЧ ООН и практика ЕСПЧ

Комитет по правам человека в Общем комментарии № 34 толкует ст. 19 МПГПП (свобода выражения) как включающую право доступа к информации, находящейся у органов публичной власти; государство должно создать быстрые, понятные и эффективные процедуры её предоставления, включая апелляционные механизмы. Для ядерной сферы это означает, что информация об опасностях, альтернативных вариантах, мониторинге и аварийной готовности не может быть «заперта» в ведомствах.

Общий комментарий № 36 по ст. 6 (право на жизнь) возлагает на государства позитивные обязанности предотвращать разумно предвидимые угрозы жизни, включая экологические и технологические риски. Следовательно, процедурные права Орхуса — не самоцель, а инструмент предотвращения нарушений ст. 6, когда речь идёт о потенциально опасных установках.

ЕСПЧ последовательно связывает неинформирование населения о серьёзных экологических рисках, дефекты оценки воздействия и слабость надзора с нарушением конвенционных прав (ст. 8 и ст. 2). В делах *Guerra и др. против Италии* (1998), *Giacomelli против Италии* (2006), *Öneryıldız против Турции* (2004), *Tătar против Румынии* (2009) суд подчеркнул: государство обязано обеспечить надлежащую оценку рисков, прозрачность и эффективные средства правовой защиты; иначе наступает ответственность за нарушение права на уважение частной жизни и/или права на жизнь. Эти выводы методологически применимы и к ядерным объектам, где масштаб риска выше.

Сравнительное регулирование участия и прозрачности в ядерной сфере

1. Финляндия: муниципальное согласие и поэтапное обоснование

Финская модель финального захоронения ОЯТ (POSIVA/Onkalo) строится на «решении принципиального значения» (Decision-in-Principle), которое, помимо оценки безопасности регулятором STUK, предполагает обязательную поддержку принимающего муниципалитета — фактически «мягкое вето» местного сообщества. Парламент ратифицировал решение по месту размещения в 2001 г., а в 2015 г. выдана строительная лицензия; коммуникация и консультации велись на протяжении десятилетий. Эта архитектура институционализирует общественное доверие и снижает конфликтность.

Юридически требование муниципального согласия закреплено в Законе о ядерной энергии и подзаконных актах: «решение принципиального значения» возможно только при поддержке муниципалитета; соответствующая практика подтверждается официальными материалами министерства и профилем страны МАГАТЭ.

2. Швеция: судебные условия и многоступенчатый контроль 27 января 2022 г. Правительство Швеции одобрило систему окончательного захоронения (Forsmark) с параллельным инкапсуляционным заводом (Oskarshamn). Дальнейшие условия и разрешения вырабатываются Земельным и экологическим судом, а регулятор SSM осуществляет поэтапный надзор. В 2025 г. начаты строительные работы. Модель показывает, как «судебная» стадия может стать площадкой для независимой экспертизы и открытых слушаний.

3. Великобритания: «consent-based siting» и тест общественной поддержки

Великобритания развивает геологическое захоронение ВАО на основе политики «Working with Communities»: долгосрочное партнёрство с местными сообществами, поэтапные «рабочие сообщества», фонд инвестиций и финальный Test of Public Support (ToPS) — местный плебисцит перед принятием решения. Это превращает участие из формальности в материальный элемент согласия на проект. Регулятор ONR параллельно поддерживает режим открытости и раннего взаимодействия с заявителями.

Трансграничные процедуры и «хорошая практика» для ядерных проектов

Орхусская и Эспо-конвенции взаимно усиливают друг друга: первая гарантирует права внутри государства, вторая — процедуры ОВОС при вероятных трансграничных воздействиях (уведомление соседних государств, участие их общественности, учёт замечаний в финальном решении). Для ядерных объектов это — стандарт «due process» sui generis. Специальные «Good Practice Recommendations» по применению Эспо к ядерной деятельности детализируют уведомление, документацию, участие и консультации.

Для Узбекистана это не теория: министерства уже анонсировали проведение общественных слушаний по материалам ОВОС и за пределами страны (в т. ч. в Казахстане) применительно к проектам АЭС/ММР. Это практика надлежащей имплементации ст. 3 Эспо и «хороших рекомендаций» по ядерным видам деятельности.

Глобальные тренды атомной энергетики и стандарты информирования

В 2023 г. мировая выработка атомной генерации выросла до 2602 ТВт·ч (около 9 % мировой электроэнергии), при этом МАГАТЭ фиксирует 413 реакторов в эксплуатации на конец 2023 г. Эти данные важны не ради «впечатляющих цифр», а как аргумент о структурной значимости сектора и системной потребности в устойчивых механизмах прозрачности.

Именно в атомной сфере доверие — производная от процедур. ОЭСР/АЭЯО на протяжении десятилетий вырабатывает «архитектуру вовлечения» для радиоактивных отходов и крупных инфраструктурных решений: раннее и непрерывное вовлечение стейкхолдеров, документируемый учёт замечаний, понятные форматы обратной связи. Для аварийных ситуаций МАГАТЭ предусматривает отдельные руководства по коммуникациям, которые следует интегрировать в национальные планы ГО и ЧС.

Проект(ы) АЭС в Узбекистане: статус и процессуальные вызовы

С 2024–2025 гг. официально заявлены направления по малой модульной станции (RITM-200N) и параллельно — к проработке крупномасштабной станции VVER-1000 (2–4 блока). Одновременно Росатом и Узатом сообщали о начале изготовления и подготовительных работ по ММР-проекту. Это создаёт «сюжет» для тестирования новых процедур участия и доступа к информации, предусмотренных Орхусом и Законом № ЗРУ-1036.

Ключ к легитимности — планомерное проведение ОВОС/СЭО с трансграничными консультациями, публикация полной документации и протоколов общественных обсуждений, а также установление процессуальных «предохранителей»: разумные сроки, понятные форматы ответа на замечания, обязательные дополнительные слушания при существенной модификации проекта.

Модель интеграции прав человека в управление ядерной энергетикой Республики Узбекистан

(i) Доступ к информации.

— Создать в подзаконном регулировании специальный «реестр раскрытий» по ядерным проектам (равный по стандарту «active transparency»): все отчёты ОВОС/СЭО, сводные нетехнические резюме, заключения экспертиз, регуляторные разрешения/условия, мониторинг выбросов/сбросов и радиационного фона — в машиночитаемом виде, с

версионированием и трассировкой учёта замечаний. Это соответствует ст. 19 МПГПП (ГК № 34) и духу GSR Part 1 о прозрачности регулятора.

— В аварийном блоке — заранее утверждённые шаблоны и протоколы коммуникаций (оперативные сводки, Q&A, единые термины, перевод на языки соседних государств при трансграничных рисках) по стандартам GSR Part 7 и руководства МАГАТЭ по коммуникациям.

(ii) Участие общественности.

— Встроить в процедуры выбора площадки и лицензирования «раннее участие» (до фиксации решения) с обязательным обсуждением альтернатив (включая «нулевой вариант»), как этого требует ОВОС ЕС и «Маастрихтские рекомендации» по эффективному участию.

— Заимствовать элементы consent-based siting: формирование «партнёрств с сообществами», фондов местного развития, и закрепить «тест общественной поддержки» как условие перехода к следующей стадии проекта (референдум/опрос) — с опорой на британскую модель GDF.

— Для высокоспорных решений — проводить независимую «общественную экспертизу» (peer-review) с участием международных экспертов и публиковать письменные ответы на каждое «существенное» замечание. Практика Финляндии (решение принципиального значения и муниципальное согласие) показывают управляемость риска конфликтов и рост доверия.

(iii) Доступ к правосудию.

— Нормативно закрепить locus standi для общественных объединений и жителей затрагиваемых территорий по делам, связанным с ОВОС/лицензированием ядерных объектов; предусмотреть снижение/освобождение от госпошлины и обеспечительные меры (suspensive effect) при наличии prima facie серьёзных замечаний к оценке риска — в духе практики ЕСПЧ о позитивных обязанностях.

— Создать специализированные судебные компетенции (или «зелёные» судебные коллегии) для споров об ОВОС/СЭО и надзорных актах регулятора; электронный досье-доступ для сторон и amicus curiae от научных организаций.

(iv) Независимость и подотчётность регулятора.

— Имплементировать в отраслевые акты критерии независимости, конфликт интересов, ротации руководства, открытых консультаций при принятии регуляторных правил — по GSR Part 1 и примеру ONR. Регуляторные руководства, планы инспекций, итоги проверок и разрешительные письма публиковать по умолчанию.

(v) Трансграничные обязательства.

— Привести практику уведомления, консультаций и участия общественности сопредельных государств по проектам АЭС/РАО к «хорошим рекомендациям» Эспо, формализовав двуязычные (или многоязычные) коммуникационные пакеты, трансграничные слушания и онлайн-участие.

Социальная лицензия и «упреждающее доверие»

Международный опыт убеждает, что социальная легитимность ядерных проектов возникает там, где права на информацию, участие и правосудие встроены в архитектуру решения, а не добавлены «в конце». Финляндия и Швеция показали, что долговременные решения по ОЯТ возможны при условии муниципального согласия, многолетнего диалога и судебно-регуляторной координации. Великобритания демонстрирует эволюцию к «сайтингу через согласие», где Test of Public Support — юридически и политически значимый рубеж. Для Узбекистана, где одновременно актуализированы Орхус и новая ОВОС/СЭО, это редкое «окно возможностей» построить модель управления атомной энергетикой как расширение гарантий прав человека, а не их ограничение.

Заключение

Проведённый анализ показал, что устойчивое развитие ядерной энергетики в Республике Узбекистан возможно лишь при институционализации правозащитных гарантий «трёх столпов» Орхусской модели — доступа к информации, участия общественности и доступа к правосудию — в привязке к отраслевым стандартам ядерной и радиационной безопасности МАГАТЭ и лучшим зарубежным практикам. Нормативная база страны динамично обновляется: принят новый Закон «Об экологической экспертизе, оценке воздействия на окружающую среду и стратегической экологической оценке» № ЗРУ-1036 от 24.02.2025 (вступает в силу 25.08.2025), закладывающий современную архитектуру ОВОС/СЭО, а также действует базовый Закон «Об использовании атомной энергии в мирных целях» № ЗРУ-565 от 09.09.2019. Эти акты обеспечивают опорный каркас для транспозиции международных обязательств и стандартов управления безопасностью на уровне подзаконного правотворчества и правоприменения.

С 28 марта 2025 г. Узбекистан присоединился к Конвенции ЭЭК ООН о доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция). Это решение выстраивает прямую связку между правами человека и экологическим управлением в ядерной сфере и, в частности, требует процедурной открытости и эффективных механизмов участия по проектам высокой экологической значимости.

В кратко- и среднесрочной перспективе при реализации проектов малой модульной станции (RITM-200N) и изучении опций крупно-мощной АЭС (ВВЭР-1000) особую

значимость приобретает соответствие требованиям МАГАТЭ к правительственно-правовой и регуляторной системе (GSR Part 1 (Rev. 1)) и к готовности и реагированию на ядерные и радиологические аварии (GSR Part 7), а также фундаментальным принципам безопасности (SF-1). Эти документы — международный «золотой стандарт» распределения ролей, независимости регулятора, публичной коммуникации в аварийных режимах и непрерывного совершенствования.

Международный контекст подтверждает стратегическую важность доверия и вовлечённости общества. Великобритания законодательно закрепила «Test of Public Support» в процессах выбора площадки для глубинного захоронения (GDF), а регулятор ONR развивает политику открытости и двустороннего взаимодействия со стейкхолдерами. В Скандинавии — наглядные примеры «консенсусного» лицензирования: Финляндия (Eurajoki/Олкилуото) выстраивала шаг-за-шагом систему согласований с муниципалитетом, а Швеция в 2022 г. одобрила систему финального хранилища (Forsmark) и в январе 2025 г. приступила к строительству. Эти практики показывают, что ранний включённый диалог и процедурная прозрачность снижают конфликтность и повышают устойчивость решений.

На уровне прав человека Европейский суд по правам человека последовательно развивает стандарты позитивных обязанностей государства по информированию и обеспечению участия/защиты в экологически опасных проектах (дела *Guerra and Others v. Italy*, *Giacomelli v. Italy*, *Öneryıldız v. Turkey*, *Tătar v. Romania*), а Комитет по правам человека ООН в Общих комментариях № 34 (ст. 19 Пакта) и № 36 (право на жизнь) подчёркивает центральное значение доступа к экологически значимой информации. Эти источники укрепляют аргументацию о правовой обязательности процедурной открытости и эффективных средств правовой защиты в ядерной сфере.

Глобально атомная генерация в 2023 г. составила порядка 2602 ТВт·ч (около 9 % мировой электроэнергии), что подчеркивает энергетическую значимость отрасли и одновременно — масштаб ответственности за соблюдение прав человека и экологических гарантий при её развитии.

Исходя из этого, для Республики Узбекистан представляется целесообразным следующий поэтапный план имплементации, который одновременно отвечает требованиям прав человека и международным отраслевым стандартам:

(1) Довести до отраслевых регламентов и практик «трёхступенчатую» модель Орхуса — информация → участие → правосудие.

— Принять подзаконные акты к Закону № ЗРУ-1036, детализирующие: пороговые критерии «значимости» проекта для обязательного полного ОВОС/СЭО; минимальные

стандарты содержания материалов ОВОС; процедуры трансграничного ОВОС (по Эспо) и публичных консультаций; матрицу обязанностей по раскрытию данных (включая реестры выбросов/переноса загрязнителей — PRTR).

(2) Институционально укрепить независимость и компетентность регулятора в соответствии с GSR Part 1 (Rev. 1) — через гарантии персональной и финансовой автономии, прозрачные процедуры принятия решений, публикуемые планы инспектирования и механизмы учёта общественных замечаний. Параллельно — внедрить регуляторную политику открытости по образцу ONR (стратегия открытости/участия, регулярные публичные отчёты, двусторонние форматы диалога).

(3) Обеспечить готовность к ядерным и радиологическим авариям (GSR Part 7) и коммуникацию с общественностью «одним голосом» на основе руководств МАГАТЭ: стандартизированные планы оповещения, точки приёма сообщений, отработанные протоколы совместных брифингов и тренингов для пресс-офицеров.

(4) Институировать независимые общественные панели и «общественные наблюдатели» при ключевых стадиях лицензирования и мониторинга, а также community benefits-подход как инструмент распределения выгод в принимающих муниципалитетах — с обязательным «тестом общественной поддержки» перед критическими разрешительными решениями.

(5) Гармонизировать национальные процедуры с правом ЕС как ориентиром лучшей практики: ЕИА-директива 2011/92/EU (в ред. 2014/52/EU) — по структуре оценки и публичного участия; 2009/71/Euratom (в ред. 2014/87/Euratom) — по культуре безопасности и независимости регулятора; 2013/59/Euratom — по основным нормам радиационной защиты.

(6) Развернуть цифровую инфраструктуру открытости: постоянно обновляемый «портал прозрачности» проектов (ОВОС/СЭО, лицензии, мониторинг выбросов, PRTR, отчёты об инцидентах и инспекциях), интегрированный с нормами Закона «Об открытости деятельности органов государственной власти и управления» № ЗРУ-369 и законами о правовой информации.

(7) Транспарентно вести коммуникацию по программам SMR и крупной АЭС — с чётким календарём консультаций, картой рисков/выгод, пакетами «часто задаваемых вопросов» для местных сообществ, регулярными публичными отчётами о ходе работ (включая сообщения о вехах — «первая плавка стали», «начало строительно-монтажной базы», соглашения об изучении опции ВВЭР-1000).

(8) Сформировать систему показателей результативности (KPI): доля документов, опубликованных до начала слушаний; среднее время доступа к информации; охват

консультаций; доля учтённых замечаний; число судебных дел и средний срок их рассмотрения; регулярность и полнота аварийных тренировок; независимые опросы доверия к регулятору и оператору (по методикам NEA/FSC, HLG-SET).

Таким образом, права человека в контексте ядерной энергетики — не внешнее ограничение, а условие долгосрочной легитимности и устойчивости отрасли. Правовая транспозиция международных стандартов, институциональная независимость и системная открытость — трёхпорная конструкция, которая снижает регуляторную и социальную неопределённость, ускоряет реализацию технологических проектов (включая SMR) и обеспечивает высокий уровень доверия общества. В условиях роста глобальной ядерной генерации и региональных инфраструктурных планов именно прозрачное, участническое и правосудное управление станет ключевым фактором успеха для Узбекистана.

Список использованной литературы:

1. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Governmental, Legal and Regulatory Framework for Safety. IAEA Safety Standards Series No. GSR Part 1 (Rev. 1). Vienna: IAEA, 2016.
2. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Preparedness and Response for a Nuclear or Radiological Emergency. IAEA Safety Standards Series No. GSR Part 7. Vienna: IAEA, 2015.
3. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Fundamental Safety Principles. IAEA Safety Standards Series No. SF-1. Vienna: IAEA, 2006.
4. UNECE. Convention on Access to Information, Public Participation in Decision-making and Access to Justice in Environmental Matters (Aarhus Convention). Aarhus, 25 June 1998.
5. UNECE. Пресс-релиз: Uzbekistan accedes to the Aarhus Convention, empowering the public to shape a clean, healthy and sustainable environment. 28 March 2025.
6. Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-1036 от 24.02.2025 «Об экологической экспертизе, оценке воздействия на окружающую среду и стратегической экологической оценке» (вступает в силу 25.08.2025).
7. Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-565 от 09.09.2019 «Об использовании атомной энергии в мирных целях».
8. Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-369 от 05.05.2014 «Об открытости деятельности органов государственной власти и управления».
9. UNECE. Convention on Environmental Impact Assessment in a Transboundary Context (Espoo Convention). Espoo, 25 February 1991 (с изм. 2001 и 2004).

10. UNECE. Kyiv Protocol on Pollutant Release and Transfer Registers (PRTR Protocol), 21 May 2003.
11. Европейский Союз. Директива 2011/92/EU Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 г. об оценке воздействия некоторых публичных и частных проектов на окружающую среду (кодификация), с изм. Директивы 2014/52/EU от 16 апреля 2014 г.
12. Евратом. Директива Совета 2009/71/Euratom от 25 июня 2009 г. об установлении рамок Общества по ядерной безопасности ядерных установок, с изм. Директивы 2014/87/Euratom от 8 июля 2014 г.
13. Евратом. Директива Совета 2013/59/Euratom от 5 декабря 2013 г. об основных нормах безопасности защиты от ионизирующего излучения.
14. ЕСПЧ. Guerra and Others v. Italy, № 14967/89, Judgment of 19 February 1998.
15. ЕСПЧ. Giacomelli v. Italy, № 59909/00, Judgment of 2 November 2006.
16. ЕСПЧ. Öneriyıldız v. Turkey [GC], № 48939/99, Judgment of 30 November 2004.
17. ЕСПЧ. Tătar v. Romania, № 67021/01, Judgment of 27 January 2009.
18. Комитет по правам человека ООН. General Comment No. 34: Article 19 – Freedoms of opinion and expression, CCPR/C/GC/34, 12 September 2011.
19. Комитет по правам человека ООН. General Comment No. 36: Article 6 – Right to life, CCPR/C/GC/36, 30 October 2018.
20. OECD Nuclear Energy Agency (NEA). Stakeholder Confidence in Radioactive Waste Management. Paris: OECD/NEA, 2022.